

София Синицкая

БЕЗНОЖЕНЬКА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Пролог

МАЛИНОВЫЙ ПИРОГ

К своему удивлению, он с большим аппетитом съел оладьи, политые кленовым сиропом.

Андре Мориа. Отель «Танатос»

Молодой джазовый пианист Серёжа Бубнов проснулся в четыре утра в своей квартире на улице Репина оттого, что над головой хлопали крылья. В полумраке белой петербургской ночи кто-то шумно летал, ворковал. На лоб пианиста шмякнулся птичий помёт. Бубнов сел на кровати. Голова немного кружилась, казалось, что тело парит в невесомости: продолжала действовать трава, которой он с вечера обкурился «для успокоения» – от него Поленька ушла.

Поленька играла на саксофоне, у них был отличный дуэт на сцене и в постели, во всяком случае, Бубнову так казалось. Недолгая совместная жизнь оборвалась дико и неожиданно – ничего не объяснив, Поленька ушла к ударнику Битову. Серёжа не сразу понял, что она ушла *навсегда*. Чтобы усыпить его бдительность, Поленька включила стиральную

машину, закинула за плечо рюкзак и отправилась будто в «Пятёрочку». А на самом деле – к Битову, с саксофоном, который заблаговременно спрятала среди хлама на лестничной площадке.

Серёже было обидно, что она не захотела поговорить, объясниться. Поступила с ним как с человеком, с которым разговаривать бессмысленно – не стоит время тратить, не способен улышаться и понять. Стиральная машина мерно гудела на долгом режиме, на ноте «ми», Поли всё не было, на звонки она не отвечала. Когда на сольдиз заревел отжим, Серёжа заметил, что из ванной исчезли все её духи – и «Шанель», и пахнущие инжиром, и самые дорогие и противные, с тревожным ароматом тропического леса после дождя. Погас красный огонёк. Серёжа открыл дверцу. На дне барабана лежали одинокие Поленькины трусы. Он уткнулся в них и зарыдал. А потом получил эсэмэску от Битова с набором дежурных формул типа «судьбу на кривой не объедешь», «будет и на твоей улице праздник». Там была даже такая гадость, как «жизнь прожить – не поле перейти».

Наплевав на гордость и самолюбие, пианист пошёл к Битову. Полина заперлась в сортире с саксофоном. Серёжа пытался с ней поговорить, но тщетно – из-за двери неслись дикие звуки: вой мартовского кота, трубный глас мамонта, рёв, должно быть, тираннозавра. Потеряв терпение, Серёжа шарахнул кулаком в дверь: «Что тебе было не так?» Прилетела настолько хамская, захлебнувшаяся в миноре

ответочка, что Бубнов схватился за голову и выбежал на улицу. Стал вытирать пот и слёзы, заметил, что в руке вместо носового платка – Полины трусы, случайно оказавшиеся в кармане.

Серёжа два дня ничего не ел, кроме феназепам. Сосед-одноклассник принёс ему в утешение коробок травы. От горя и дури Бубнов совсем потерял соображение, тупо смотрел сериал и плакал в трусы.

На рассвете к нему в распахнутые окна ворвалась стая голубей. Птицы металась под потолком, хлопали крыльями. Пианист сначала подумал, что ангел смерти за ним прилетел. Включил свет. Голуби сидели на книжных полках, толклись под роялем, недовольно смотрели на Бубнова глазами-бусинками. Серёжа взял веник и стал прогонять незваных гостей. С недовольным курлыканьем они бегали от него по кругу и не хотели вылетать в окно. «Кыш! Кышш!!» Пианист взмахнул веником, задел люстру, со звоном посыпались гранёные хрусталики, которых много лет не замечал, про которые совершенно забыл, а тут вспомнил, как их с мамой протирал и вешал в детстве. Нервы были на пределе, снова заплакал, заскулил в трусы: «Я самый плохой, я хуже тебя, я самый ненужный, я гадость, я дрянь, я – серый голубь»*.

Днём отправился в «Дикси» за газировкой, но ноги понесли куда-то в сторону. Вдруг Бубнов ясно осознал, что жить больше незачем и надо прямо сейчас закончить «всю эту пошлую историю».

* Песня Петра Мамонова.

Нетвёрдо держащийся на ногах пианист твёрдо решил сброситься с крыши – так, чтобы разбило голову в шмяку. Пошатываясь, шёл по линиям и выбирал подходящий дом. Дома были не такие уж высокие, примерно как и его трёхэтажный на Репина, оставался риск выжить, а надо было, чтоб уж точно в шмяку. Может, на Приму? Подняться на высотку, окинуть прощальным взглядом питерские крыши, морскую полоску, туманный горизонт, вдохнуть полной грудью и сделать последний шаг.

У Бубнова было горячо в груди и холодно в поддыхе, казалось, что от шеи вниз содрали кожу, сердце и лёгкие прикрыты хрупкими костями, финский ветер выдувает жизненные силы, ноги слабеют и до Примы будет просто не добраться. В голову лез французский глагол «экорше» – «сдирать шкуру». Нет, надо здесь искать дом. Даже пятиэтажный подойдёт, только нырять головой вниз, а не солдатиком.

«Экорше, экорше». На линиях пахло мёдом, Бубнова штормило, чуть не наступил на привалившегося к поребрику толстого коржика. Его толстый задумчивый хозяин дёрнулся, присмотрелся:

- Парень, шёл бы спать!
- Извините.
- Тебя проводить?
- Проводите.
- Куда?
- Я забыл код. Здесь живёт моя подруга.
- Марфуша?

– Да.

Хозяин коржика приложил ключ, открыл дверь и впустил Серёжу на прохладную лестницу с напольной мозаикой Salve. Самоубийца побрёл наверх, пёс с хозяином, переваливаясь с боку на бок, двинулись в сторону Андреевского рынка.

«Скорее всего, чердак закрыт. Добраться до последнего этажа и выйти в лестничное окно».

Мужик в рабочей одежде склонился над ступеньками, возился, пыхтел. Это был лифтёр Иван Яковлевич, он зачем-то нумеровал последнюю ступеньку каждого пролёта. Два раза в неделю Иван Яковлевич поднимался по этой лестнице, со скрежетом открывал железную дверь чердака и проходил к шахте недавно установленного в соседнем парадняке лифта – он его обслуживал, за ним следил.

Поравнявшись с Иваном Яковлевичем, пианист задел ногой открытую банку с краской. Банка поскокала вниз, оставляя на ступеньках белые потёки, похожие на крем на высоком торте. Лифтёр выругался. Бубнов стал сползать по стенке, потерял сознание и сложился на ступеньках, будто брошенная кукловодом марионетка. Над ним хлопотал перепуганный Иван Яковлевич:

– Не переживай! Сейчас вытрем, не переживай!

У Бубнова в голове шумело море и чайками вскрикивал саксофон.

Иван Яковлевич позвонил в ближайшую квартиру. Открыли дверь, лестницу заполнил густой

запах сладкого пирога. На Бубнова хлынула вода – лифтёр решил повлиять на ситуацию с помощью бутылки для полива цветов: подоконник был заставлен геранью. Пианист открыл глаза. Над ним склонилась хорошенькая девушка с малиновыми губками.

– Ты Марфуша?

– Да, как вы себя чувствуете?

– Дайте ему крепкий чай с сахаром! Он из-за краски расстроился. Принесите тряпку!

– Хотите чаю?

– Да, горло пересохло.

– И я хочу! – обиделся Иван Яковлевич.

– Вставайте. Можете у нас посидеть, чаю выпить. И вам принесу чай и тряпку... Вызвать врача?

– Нет, спасибо.

Бубнов оказался на большой кухне, в большом кресле. В окно бил свет, кивал шпиль Святого Михаила. Голова кружилась. Снова закрыл глаза.

– Кто это? – раздался мужской голос.

– Не знаю, ему плохо на лестнице стало.

– Может, он притворяется, чтобы в квартиру зайти, всё тут высмотреть и своровать. Вы притворяетесь?

Бубнов разлепил глаза.

– Здравствуйте. Простите. Не притворяюсь.

– Марфуша, вынимай пирог. Так вы не наводчик?

– Я пианист Бубнов.

– Сыграете нам?

– Конечно. – Повернув голову, сфокусировал взгляд и увидел кудрявого широкоплечего красавца, который лежал на диване, завернувшись в плед, и весело и нахально рассматривал пианиста. На вид ему было лет двадцать, а вот Марфуша, наверно, ещё школу не закончила.

– Что употребляете? Трава, таблетки и алкоголь? Работу потеряли? Девушка ушла?

– Откуда вы знаете?

– А какой ещё может быть сценарий? Либо вас бросила девушка и вы обдолбались до потери сознания, либо систематически злоупотребляете психоактивными веществами и именно поэтому она ушла. Всё ли было гладко с сексом?

– Кирюха, отстань от него! – Марфуша дала Бубнову чай. Он хлебнул и крепко заснул.

Бубнову снилось, что он играет «Кленовый лист»*. Проснувшись, увидел, что кухня залита закатным солнцем, Кирюха так и лежит под пледом, стол накрыт к чаю, Марфуша смотрит в экран компьютера, из колонки тихо плывёт регтайм в его, бубновском, исполнении.

– Не, не, фраерок, полный! – Кирюха хоть и продолжал говорить обидные вещи, но смотрел на Бубнова другими глазами, с уважением.

– Сергей, – сказала Марфуша, – вы замечательный музыкант. Пока вы спали, мы все ваши записи прослушали. А какая потрясающая саксофонистка Полина с вами играет!

* Сочинение Скотта Джоуплина.

– Она, что ли? – спросил Кирюха. – Красивая девушка. Наверно, вы её своим музыкальным авторитетом задавили. Я слышал, как вы импровизируете на пару. Она хочет уйти вперёд, а вы её не отпускаете. Ворчите и прикрикиваете своими аккордами. Может, и в быту её душиите? Может, вы невыносимый педант и брюзга?

Бубнов опять зарыдал в трусы.

– Кирюха, перестань! Сергею тяжело! Сергей, всё будет хорошо! Кирюха, скажи!

– Сергей, даже если Полина оставила вас навсегда, хотя мне кажется, что не навсегда, скажите ей спасибо за то, что она с вами играла, спала и вообще украшала вашу жизнь. Вы – классный дуэт, классная пара, пройдёт время – неделя, месяц, она вернётся, и вы будете её беречь и уважать. Вы её очень любите, но унижаете, да-да – унижаете! Вот она и сорвалась. К маме или к другому джазмену?

– К другому.

– Вернётся, вы лучший. Но даже если не вернётся, сохраните любовь к ней и благодарность за всё, что было. Мужчина должен быть снисходителен к слабому полу. Женщину надо жалеть.

– Женщину! Кирюха, достал со своими мажорскими прогонами. Сергей, вы хотите умыться или в ванне полежать?

Бубнов почувствовал, что очень хочет именно что в ванне полежать. От слёз и разговора с этими ребятами у него вдруг появился аппетит, тем более что на кухне стоял крепкий запах варенья.

Даже в ванной дегтярный шампунь перебила пригоревшая малина.

Освежённый, восставший к новой жизни самоубийца Бубнов съел половину пирога, ещё разок всплакнул, но уже не от хтонического ужаса, а так – с горечью и нежностью, и приготовился сыграть ребятам что-нибудь из сочинений короля регтайма. Марфуша проводила его в богатенькую гостиную с мягкой мебелью и роялем. Пока он мок в толстых клоках заботливо взбитой пены, Кирюха переместился в эту комнату и устроился на другом диване в той же позиции – откинувшись на подушки и завернувшись в плед. Серёже что-то показалось странным в облике этого молодого человека, как-то необычно он сидел или лежал.

Сначала Бубнов сыграл ребятам вальс «Бетина», который Джоуплин написал в память о своей рано умершей супруге. Потом вскрикнул: «Ван, ту, ван, ту, фри, фо» – и вжарил самый дикий, самый зажигательный регтайм. Лягнувшись, откинул стул, дрыгал задом, как заправский чёрный «артист эстрады», молотил по клавишам, стучал по крышке рояля, проехался по клавиатуре ногой. Марфуша скакала по комнате, подлетала к Бубнову и чмокала в щёку, Кирюха яростно хлопал, потом сорвал плед, обнаружив почти полное отсутствие нижних конечностей, и кинулся отплясывать сумасшедший акробатический брейк-данс на руках, взметая вверх обтянутые джинсами культы.

В инвалидном кресле Кирюха выехал на лестничную площадку проводить пианиста. Выкурили по сигарке.

На прощание Кирюха наставлял Бубнова:

– Относись к ней или к другой, если та не вернётся, как к милой, беленькой, самой красивой капризной кошечке. Не души её, и она полюбит тебя всем сердцем. На все упрёки отвечай: прости, дорогая, ты самая лучшая, вот тебе красная бумажка, сходи с подружками в «Маму Рому». Начни новую жизнь – пересмотри своё отношение к женщине! Оно было скотским, Бубнов, я это чувствую. Я инвалид-безноженька, ограничен в движении, с трудом перемещаюсь в пространстве, зато здорово ориентируюсь в сфере чувств. Что касается любых, самых тонких движений души – это ко мне, пожалуйста. Я человековед! Дай ещё прикурить... Марфуша считает, что жалость к женщине, мягкая снисходительность – это проявление мачизма. Смешно, да? Конечно, самые крутые мачо – подкаблучники. Это же сколько сил надо иметь, чтобы терпеть дамские загрёбы. Бубнов, я в тебя верю. Твоя жизнь уже не будет прежней.

– Марфуша твоя девушка? Или сестра? – поинтересовался Бубнов.

– Она моя воспитанница и компаньонка. Соседка сверху. Это моя квартира, я здесь с мамой живу. Марфуша не может быть моей девушкой. Она вырастет, я ей найду хорошего жениха, уже подыски-

ваю. Дам сундук приданого. Пока, Бубнов. Позови нас на концерт!

По ступенькам, измазанным подсохшей краской, пианист спустился до надписи *Salve* и вышел на улицу. Завернул в «Дикси», купил килограмм персиков и – неожиданно для себя – куст жёлтых розочек, который стоял на кассе. Подходя к своему дому на Репина, услышал звуки саксофона, льющиеся в июльский липовый вечер. Встал под распахнутым окном. Засранцы-голуби нагло влетали в квартиру, тусовались на подоконнике. Протянув и мягко закруглив последнюю ноту, Полина выглянула на улицу. У неё на голове сидел белый голубь. В доме напротив одобрительно заорали и плеснули аплодисментами.

Под утро пианист был разбужен эсэмсэской ударника Битова: «От нашего ребра нам не ждать добра». «От того терплю, кого больше люблю», – ответил ему Бубнов, выключил звук, ногой согнал с одеяла вконец обнаглевшего голубя и ткнулся подбородком в Полину макушку.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Идёт Балда, побрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает...

А. С. Пушкин.

Сказка о попе и о работнике его Балде

...один изобрёл деревянные ноги таким образом, что при одном прикосновении к незаметной пружинке уносили эти ноги человека Бог знает в какие места...

Н. В. Гоголь. Мёртвые души

1

ВЕДРУН

Первого сентября, в первый день своей взрослой жизни, Коля, собравшись с духом, напрямую спросил бабэ (так он называл бабушку), отчего умерли родители. Бабэ сказала, что папаня повторил клип Эминема, вследствие чего она осталась без дочери, а он, Коля, без матери. Пошла варить суп и плакать. А мальчик, озадаченный Эминемом или как его там, отправился копать червяков для вечерней рыбалки.

У них с бабэ не было компьютера, Коля долгое время не мог узнать, что именно сделал папа. По телику без конца крутили разные клипы, но в них не

было никакого Эминема, они не раскрывали тайн, не говорили ничего важного о жизни. Когда Коле было лет уже десять, дядя Василий Андреевич, закусив селёдкой, дал ему поиграть свой «самсунг» с галактической заставкой. Коля залез на чердак, очень быстро разобрался с экраном и кнопками, увидел наконец клип Эминема и понял, почему бабэ вешает веночки у закрытого ларька на берегу Оки. Бабушка Тася, папина мама, сказала, что папа не так уж и виноват, потому что *оба они* пьянствовали, пьяный юный папа засунул пьяную юную маму в машину и спустил с обрыва в речку. Поразмыслив, полез доставать и тоже утонул.

Узнав печальную историю семьи, Коля постарался не то чтобы забыть её, а как-то отвлечься. Постепенно разворачивая рулоны обоев, он придумывал и рисовал сложные фантастические миры (называл их мирками), звёздные и подземные.

Рулоны были плотно составлены в бочках, сотня обоев с розами и машинками – ими бабэ заплатили на фабрике. В деревне многие работали в бумажном ЧП «Хряц и сын». Разорившись, Хряци выдали всем на прощание обои и церковные календарики.

Бабэ вышла на пенсию и организовала из трёх грузовиков и трёх алкоголиков бюро перевозок. На удивление бюро работало отлично, дальний бойщик Кузякин почти бросил пить и передумал вешаться, докупили ГАЗ и ЗИЛ, в коллектив

влились Петрович с Ивановичем, из города возили в сельскую местность стройматериалы. Дядя Василий Андреевич утеплил чердак, и Коля пошёл туда жить, спускался только пообедать. На чердаке вся деревня у Коли была как на ладони и весь мир – на ладони, потому что бабэ купила офигенный, немного подержанный макбук. Коля валялся на матрасе, мечтал о прекрасной жизни, полной событий и приключений, в волнении вскакивал, делал шаг навстречу светлому будущему и бился головой о сведённые стены: он сильно вытянулся, мог ходить не сгибаясь только под коньком. В восьмом классе много болел и остался на второй год, зато прочитал все книги бабэ, их было четыре шкафа, и смотрел по фильму в день, получилось 365 фильмов, а это не мало.

На распутьях виртуальной реальности Коля нашёл себе таких же, как он, мечтательных друзей. В ролке было шесть участников: два парня из глухой якутской деревни (они сидели на домашнем обучении и могли ролить ночью, когда у остальных был день или вечер), питерская художница Марфуша, Маша из Франции и Лиза из Саратова. За приключениями рыцаря Ведруна, прекрасной мёртвой Анор, Феи Пресмыкающихся, Ведьмы, духа Абасы и духа Укулуна следило «стописят» тысяч подписчиков. Над сказочным миром парил никому не ведомый админ. Он не встречал в игру, только изредка давал советы, кому куда пойти (полететь), как кого оживить. Авторы по очереди пи-

сали, что происходит с героями, и выкладывали рисунки, чтобы было понятнее:

«В пещере Ведруна окружили паучки, усталились на него блестящими глазками. “Где ваша хозяйка, Анор?” Один паучок побежал в сторону тумана. Ведрун последовал за ним. Со стен капает вода, блуждают огни, скользят тени, гремит стактитовый орган. Вошли в ледяную пещеру. Факелы горят. Под потолком протянуты прозрачные трубы, от них веет холодом. Лестница идёт вниз, становится шире. На ступеньках пустые вазы, тикают часы без стрелок. Перед рыцарем сидит за шахматами Анор. Рыцарь снял с головы ведро и постучал по нему. Мёртвая девушка улыбнулась: “Садись, раз пришёл!”». Ну и всё в таком духе.

Два года Коля с ведром на голове спасал Марфушу – Анор от козней злых духов, потом Абасы заиклился на Фее Пресмыкающихся и на каникулах полетел в Бордо, а водяной Укулун смотался в Саратов. Ролка распалась, Коля просто переписывался с Анор и, конечно, мечтал поехать в Петербург. Ему казалось, что она одна его понимает. А тут ещё админ написал Коле лично, что на Московском вокзале, в метро, у стенки за автоматом с жетонами, для него оставлено прощальное письмо и он может его поискать. Неизвестно было, кто он такой – мужчина или женщина, где живёт, какого возраста. Однажды он спросил Ведруна в личке, нравится ли ему Анор, и Коля почувствовал, что, наверное, мужик.

На чердаке Коля разматывал свои рулоны с мирками, чтобы выбрать в подарок мёртвой подруге какой-нибудь самый ценный. Попадались старые мирки с ужасными жёлтыми рисунками – они возникли, когда бабэ бомбила вместо приболевшего Кузякина и за маленьким Колей следила баба Тася. Тасе не нравилось, что внук без конца рисует, да ещё чёрным карандашом, ведь купила она коробку цветных и точилку. Одна догадливая подруга сказала, что чёрный мир – это следствие неосознанной детской травмы и надо что-то делать. Тася отвела мальчика в парикмахерскую, там за занавеской специально обученная Зоя Захаровна оказывала срочную психологическую помощь. Ребёнок в ужасе от её раскрашенного лица и длинных ногтей молчал, как рыба-партизан. Воняло лаком и грязными волосами. Психолог, пахнув потом, развела руками и отправила Тасю с внуком за занавеску к ясновидящей. Та включила приборчик, похожий на индикатор из «Тайны третьей планеты», сказала что-то про карму, первородный грех, прапамять и посоветовала забрать у Коли все карандаши, кроме весёленького жёлтого и, скажем, розового. Так появился мирок чужой, совершенно непригодной для человеческой жизни блёклой планеты, населённой какими-то поросятами. Хотелось пустить его на растопку.

Анор писала, что все её друзья и родственники будут страшно рады, если Коля приедет. Коля ре-

шил сделать сюрприз и явиться в Питер накануне весенних каникул. Бабэ дала ему клетчатую сумку с трёхлитровой банкой огурцов, сушеными грибами, своим чесноком, своей картошкой, плотно запакованными кусками копчёного мяса и сала – у Коли с бабэ были свои свиньи, всё своё.

Коля наврал бабэ, что его ждут. В семнадцать лет он впервые ехал в большой город, впервые сел в поезд и на нижней полке застыл в позе фараона с руками на коленях. Он страшно боялся маньяков. У них в Чудеевском районе пропадали люди, поговаривали, что орудует банда извращенцев и особенно их привлекают дети. Коле не хотелось пропасть. Соседи по купе, командировочные мужики в трениках, с опаской поглядывали на диковатого парня. Вечером, когда уже выключили свет и Коля задремал, сверху полез мужик с туалетной бумагой. Он задел Колю, тот проснулся и заорал.

Днём поезд подъезжал к Петербургу, Коля с «Вардрунной» в наушниках прилип к окну, мужики угощали его колбасой и куриной ногой. Один поинтересовался, что Коля слушает. Коля спросил в свою очередь, слушал ли он Эминема. Тот сказал, что скорее Ревякина и Чистякова. Мужик с туалетной бумагой посоветовал прислушаться к Кейву, дал свой список старья.

Мелькали заснеженные дачки. Пронеслись мосты, встали большие дома. Поезд прибыл на Московский вокзал. Суетились встречающие. «Сейчас в метро. Лишь бы не запутаться».

Коля запутался сразу. В огромном зале на него хлынула волна китайцев, повлекла и оставила у ларька с фарфоровыми статуэтками. Коля решил купить пастушку для мамы Анор: всё-таки он собирался у них гостить неделю, хотелось бабкино сало чем-нибудь прекрасным подкрепить. Пастушку долго заворачивали в «Санкт-Петербургские ведомости», Коля потратил на неё половину своего состояния и очень боялся разбить.

В метро с тяжёлой сумкой, волнуясь, подошёл к автомату для жетонов, оказалось, их несколько и к каждому выстроилась очередь – непросто будет искать послание админа! Вдруг Коля заметил, что нет рюкзака. «Рюкзак-то где? С кошельком, телефоном и “Миром электроники”! Так, паспорт в кармане».

Поспешил обратно на вокзал, но фарфоровый ларёк был закрыт. С той стороны стекла на него грустно смотрели балерины, пастушки и собачки. Коля, утирая пот, час стоял у ларька, наконец, он открылся, но рюкзака там не было, никто его не видел. Адрес Анор был у Коли во «ВКонтакте», но как туда войти, телефона-то нет! Продавщица статуэток была злая, Коля не решился попросить у неё мобильный на минутку. Он знал, что Анор живёт на Васильевском острове и ходит в среднюю художественную школу под названием СХШ. Он поинтересовался у мужика с газетой, как добраться до «сэхэша». «До сэшэа?» – воскликнул тот недовольно. Бедный

Коля вышел на Невский, спрашивал прохожих, где школа СХШ. Никто не знал. Показали, где примерно Васильевский остров. Коля со своей клетчатой сумкой туда потащился, поражаясь красоте и шуму города. Около садика человек рисовал портреты. Он объяснил Коле, как добраться до СХШ.

Коля перешёл Дворцовый мост, на набережной сел отдохнуть у сфинксов, поел снега, потому что страшно хотелось пить. Всё было широкое, белое, величественное. Круче, чем в ролке.

Когда он добрался до СХШ, уже стемнело. Охранник сказал, что занятия закончены, а завтра каникулы. Коля обошёл школу, в нескольких окнах горел свет, из открытых форточек доносились девичий визг, смех и матерные слова. «Может быть, Анор там? А, это, наверно, интернат. – Анор советовала Ведруну поступить в СХШ и жить в интернате для иногородних. – Что же делать? Куда идти?»

За школой стоял помоечный контейнер, Коля увидел кипы выброшенных листов с рисунками. Там были натюрморты, наброски, портреты, голая женщина и голый мужик с бородой. Колю поразило, что такие прекрасные работы никому не нужны и кинуты в снег. Он стал подбирать рисунки, сворачивать в трубочку. Вдруг выбежал этот самый бородатый мужик, только одетый, с метлой. Он что-то недовольно закричал. Коля с огурцами, пастушкой и работами сэхэшатиков подхватился и пошёл обратно на вокзал. Два раза просил

у прохожих телефон, чтобы сказать бабэ, что всё ок, и написать Анор, но ему не давали, думали, наверно, что украдёт. «Да как бы я побежал со всем этим грузом?»

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА